

Вокруг сновали люди, никто и не замечал, что здесь что-то происходит. Лун Синюй сидел на месте и вспоминал бесчисленные тренировки по пантомиме, которые когда-то доводили его до изнурения.

На совершенно пустой площадке, где ничего не было, приходилось воображать самые разные события. Иногда требовалось обнимать пустоту и изображать безутешное, разрывающее сердце рыдание, бросая свои чувства в никуда. Точно так же, как Ю Жоюнь поступал сейчас, выражая любовь тому, кого давно уже не было в живых.

Во время творческих экзаменов он прошёл предварительные отборы во всех ведущих киноакадемиях и в итоге выбрал вполне приличное учебное заведение. Остальные тоже были хороши, а некоторые даже лучше, но именно в этом не было запрета на съёмки на первом курсе, и оно отличалось большой снисходительностью к уже обретшим некоторую известность студентам — как в плане проходных баллов, так и по посещаемости. Тогда он ещё не работал сам по себе и заявил своему бывшему агенту: Время — самое ценное, я не собираюсь проводить столько времени в стенах академии, я хочу обогнать Ю Жоюня.

Эта цель казалась настолько грандиозной, что агент даже не принял её всерьёз, решив лишь, что амбиции молодого человека зашкаливают, и в шутку спросил: Почему ты так заиклился на Ю Жоюне?

Цзян Юй ответил: Ещё бы, я ведь впервые...

Лун Синюй взял стакан и осушил его до дна. Он пил слишком торопливо и поперхнулся, несколько капель брызнули ему на лицо. Глядя на Ю Жоюня, Лун Синюй произнёс: Я никогда не слышал, чтобы у Цзян Юя были с тобой какие-то романтические отношения. У тебя есть хоть какие-то доказательства?

Он знал, что Ю Жоюнь ничего не ответит, и знал, что никаких доказательств не существует.

Если бы Цзян Юй не погиб, в этом году пошёл бы уже седьмой год, как они были вместе. Обычные пары или супруги как раз приближаются к кризису семи лет: мужчины начинают лысеть, женщины — полнеть, и даже дети перестают слушаться. У них не было подобных забот, как не было и вообще ничего, кроме этих забот: ни совместных фотографий, ни поездок куда-либо, ни задёрнутых при дневном свете штор — абсолютно ничего.

Та улица, где с ним случилась беда, находится всего в трёхстах метрах от моего дома, — сказал Ю Жоюнь. — В тот день он, должно быть, шёл ко мне, но меня не было дома. Я забыл предупредить его, что в тот день меня не будет.

Лун Синюй почувствовал, что с ним что-то не так, опустил взгляд и только тогда заметил, что рука, сжимавшая стакан, безудержно дрожит.

Ю Жоюнь испытывает чувство вины? — подумал он. — Да, Ю Жоюнь как раз из тех людей, кто

склонен брать всю вину на себя.

Ты же не думаешь, что это ты свёл его в могилу? — Лун Синюй попытался заговорить как можно более непринужденно. — Ты слишком много на себя берёшь. Во всех новостях писали: он сам перебежал дорогу на красный свет, да к тому же сказывалась усталость водителя, вот авария и произошла.

Он был полностью поглощен попытками скрыть собственные эмоции и не заметил, как взгляд Ю Жоюня стал острым.

Лун Синюй же продолжал подбирать слова: Я видел твои фильмы... впрочем, мало кто их не видел. Когда я впервые посмотрел, как ты играешь, мне захотелось тебя убить. Почему тебе так везёт, почему всё складывается настолько идеально — и время, и место, и люди, — что достаточно сняться в одном фильме, чтобы прославиться и получить награду?

Ладно ещё удача — это был видимый невооруженным глазом дар, та самая искра, которой многие актёры лишены всю жизнь. И при этом никакого увядания таланта, никакого раннего закатывания звезды, ни единой серьёзной неудачи на пути. Тот фильм к тому же стал последней работой режиссёра, после чего он объявил о завершении карьеры, не оставив ему даже шанса повторить подобное.

Но теперь обо всём этом лучше было молчать. Пусть лучше Ю Жоюнь считает его завистливым новичком, жаждущим славы — это всё равно лучше, чем ловить на себе его взгляд и гадать, не всплывает ли в памяти образ того единственного человека. Это не просто пробуждало воспоминания Ю Жоюня, это выдирало их с мясом наружу.

Каким человеком Цзян Юй представал в словах Ю Жоюня? Ему было страшно вато слушать.

Поэтому я просто хочу прославиться, стать популярнее тебя, — сказал Лун Синюй. — Я знаю, что ты хороший человек. Раз ты хороший, сделай доброе дело: например, стань моим покровителем, переспи со мной и оплати счета, помоги вырваться из кабальной компании, подыграй фальшивому роману ради хайпа и прироста подписчиков, подкинь ресурсов, чтобы я получил главную роль — что угодно. Можешь даже, как раньше, игнорировать меня, только перестань рассказывать мне здесь о своем бывшем парце.

Ю Жоюнь опустил глаза, и Лун Синюй невольно засмотрелся: ресницы у Ю Жоюня были густыми, придавая ему беззащитный, олений вид. Лишь спустя довольно долгое время Ю Жоюнь произнёс: Но мне некому больше об этом рассказать.

Всё-таки обладатель титула киноимператора: в одной этой фразе смешалось столько эмоций, искренних и скорбных. Лун Синюй понял: Ю Жоюнь говорит правду.

Ю Жоюнь — человек разумный, он не стал бы просто от нечего делать бегать к первому встречному другу со словами: А ты знал, что у меня была интрижка с Цзян Юем? Точно так же,

как тогда: проговорив всю ночь по телефону из-за границы, Ю Жоюнь в итоге так и не вернулся на похороны. Ведь он приехал не ради того, чтобы мелькнуть на красной дорожке и сразу сбежать — он был членом жюри кинофестиваля. И вовсе не забыл предупредить Цзян Юя, как утверждал ранее; он намеренно тянул до последнего момента перед официальным объявлением, зная, что фильм Цзян Юя не прошёл отбор, и он, разумеется, не хотел говорить об этом Цзян Юю, чтобы не причинять ему боль.

А я? — продолжал допытываться Лун Синюй. — Нельзя сказать другим, но мне — можно?

Я разыскивал кастинг-директора, — тихо сказал Ю Жоюнь. — Расспрашивал, как именно ты попал в съёмочную группу.

Сердце Лун Синюя сжалось.

Ты ходил к инвестору, которому Цзян Юй когда-то помог, — продолжал Ю Жоюнь. — Сказал, что близок с Цзян Юем, что он относился к тебе как к младшему брату, и попросил инвестора поддержать тебя. Это было умно, потому что Цзян Юй действительно не из тех людей, кто станет трепаться о подобном повсюду, и ты, вполне возможно, действительно общался с ним в прошлом. Раньше по телефону ты говорил мне: если ты в чём-то не прав, можешь смело отчитывать тебя. Так что позволь мне сказать тебе пару вещей.

Ю Жоюнь слегка подался корпусом вперёд, словно намереваясь сократить дистанцию до предела: С самой первой нашей встречи ты не сказал о Цзян Юю ни единого доброго слова. Ты заявлял, что он мёртв, что он задирает нос, что его песни безнадежно устарели, а его смерть — заслуженная кара за то, что он перебежал дорогу на красный свет. Приди в себя: у тебя нет никакого права судить Цзян Юя. Возможно, Цзян Юй когда-то и помог тебе, но ты этого совершенно не стоишь.

Обрушив на него этот шквал упрёков, Ю Жоюнь заставил Лун Синюя остолбенеть.

Если бы Ю Жоюнь не перечислил всё по пунктам, он бы и сам не осознал, сколько раз успел небрежно выругаться на самого себя. На что вообще сердится Ю Жоюнь? Разве всё это не чистая правда?

Не успел он и возразить, как Ю Жоюнь вдруг резко переменялся в лице, вытянул салфетку и протянул её со словами: Вытри лицо.

Что вытереть? — не понял Лун Синюй, провёл ладонью по щеке и только тогда обнаружил, что она мокрая.

Ю Жоюнь даже слегка растерялся, видимо, никак не беря в толк, как это человек с таким наглым и непробиваемым видом умудряется расплакаться от пары сказанных слов.

Но на этот раз Ю Жоюнь не стал извиняться. Он продолжал говорить: Ты ведь знал Цзян Юя, так что мы вполне можем общаться как друзья. Я просто хочу, чтобы впредь ты больше не говорил подобных вещей.

Да пошёл ты к чёрту, — мысленно выругался Лун Синюй. — Кто с тобой собирается дружить? Мне что, уже и себя обругать нельзя без твоего высочайшего соизволения? Совсем чёкнутый, мать твою.

Однако внешне он продолжал кивать, грубо растирая глаза салфеткой — раз за разом, — и в то же время лихорадочно думая: раз Ю Жоюнь на самом деле так сильно переживает из-за всего этого, значит, у них всё ещё есть шанс начать сначала.

Он очень надеялся, что этот шанс есть.

<http://bllate.org/book/25305/3016621>